

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ
ВЫСОЦКИЙ

✦
Стихи и песни
✦

✦ РУССКАЯ КЛАССИКА ✦

Русская классика (АСТ)

Владимир Высоцкий

Стихи и песни

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Высоцкий В. С.

Стихи и песни / В. С. Высоцкий — «АСТ», 2016 — (Русская классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-100445-3

В этот сборник вошли произведения Высоцкого, относящиеся к самым разным темам, стилям и направлениям его многогранного творчества: от язвительных сатир на безобразие реального мира – до колоритных стилизаций под «блатной фольклор», от надрывной военной лирики – до раздирающей душу лирики любовной.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-100445-3

© Высоцкий В. С., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Песни 1960–1966 годов	7
Сорок девять дней	7
Татуировка	9
«Я был душой дурного общества...»	10
Ленинградская блокада	12
«Что же ты, зараза, бровь себе побрила...»	13
«Позабыв про дела и тревоги...»	14
Серебряные струны	15
Тот, кто раньше с нею был	16
«У тебя глаза – как нож...»	18
Лежит камень в степи	19
Большой Каретный	21
«Если б водка была на одного...»	22
«Сколько лет, сколько лет...»	23
«Правда ведь, обидно – если завязал...»	24
«– Эй, шофер, вези – Бутырский хутор...»	25
«За меня невеста отрыдает честно...»	26
Рецидивист	27
«Я женщин не бил до семнадцати лет...»	29
Про Сережу Фомина	30
Штрафные батальоны	31
Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям	32
Антисемиты	34
Песня про Уголовный кодекс	35
Наводчица	36
О нашей встрече	37
Все ушли на фронт	38
«Я любил и женщин и проказы...»	39
«Вот раньше жизнь!..»	40
Песня про стукача	42
«Потеряю истинную веру...»	43
Песня о звездах	44
Братские могилы	45
Городской романс	46
«Я был слесарь шестого разряда...»	47
Ребята, напишите мне письмо	48
«Ну о чем с тобою говорить!..»	49
«Парня спасем...»	50
Песня о нейтральной полосе	51
Попутчик	53
«Сыт я по горло, до подбородка...»	55
«Мой друг уедет в Магадан...»	56
«В холода, в холода...»	57
Высота	58
Песня про снайпера, который через 15 лет после войны спился и сидит в ресторане	59

День рождения лейтенанта милиции в ресторане «Берлин»	60
«Перед выездом в загранку...»	61
«Есть на земле предостаточно рас...»	63
Песня о сумасшедшем доме	64
Про черта	65
Песня о сентиментальном боксере	66
Песня космических негодяев	68
В далеком созвездии Тау Кита	70
Про дикого вепря	72
«При всякой погоде...»	74
«Один музыкант объяснил мне пространно...»	75
«У домашних и хищных зверей...»	76
«А люди все роптали и роптали...»	77
Дела	78
Песня о друге	80
Здесь вам не равнина	81
Военная песня	82
Скалолазка	83
Прощание с горами	84
«Свои обиды каждый человек...»	85
Она была в Париже	86
«Возле города Пекина...»	87
Песня-сказка о нечисти	89
Песня о новом времени	91
Песни 1967–1970 годов	92
«Корабли постоят – и ложатся на курс...»	92
Случай в ресторане	93
Пародия на плохой детектив	94
Профессионалы	96
Песенка про йогов	98
Песня-сказка про джинна	100
Песня о вещем Олеге	102
Два письма	104
I	104
II	105
Ой, где был я вчера	106
Лукоморья больше нет	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Владимир Высоцкий

Стихи и песни

© В. С. Высоцкий, наследники, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Песни 1960–1966 годов

Сорок девять дней

Суров же ты, климат охотский, —
Уже третий день ураган.
Встает у руля сам Крючковский,
На отдых – Федотов Иван.

Стихия реветь продолжала —
И Тихий шумел океан.
Зиганшин стоял у штурвала
И глаз ни на миг не смыкал.

Суровой, ужасней лишенья,
Ни лодки не видно, ни зги, —
И принято было решенье —
И начали есть сапоги.

Последнюю съели картошку,
Взглянули друг другу в глаза...
Когда ел Поплавский гармошку,
Крутая скатилась слеза.

Доедена банка консервов
И суп из картошки одной, —
Все меньше здоровья и нервов,
Все больше желанье домой.

Сердца продолжали работу,
Но реже становится стук,
Спокойный, но слабый Федотов
Глотал предпоследний каблук.

Лежали все четверо в лежку,
Ни лодки, ни крошки вокруг,
Зиганшин скрутил козью ножку
Слабевшими пальцами рук.

На службе он воин заправский,
И штурман заправский он тут.
Зиганшин, Крючковский, Поплавский
Под палубой песни поют.

Зиганшин крепился, держался,
Бодрил, сам был бледный, как тень,

И то, что сказать собирался,
Сказал лишь на следующий день.

«Друзья!..» Через час: «Дорогие!..»
«Ребята! – Еще через час. —
Ведь нас не сломила стихия,
Так голод ли сломит ли нас!

Забудем про пищу – чего там! —
А вспомним про наших солдат...»
«Узнать бы, – стал бредить Федотов, —
Что у нас в части едят».

И вдруг: не мираж ли, не миф ли —
Какое-то судно идет!
К биноклю все сразу приникли,
А с судна летит вертолет.

...Окончены все переплеты —
Вновь служат, – что, взял, океан?! —
Крючковский, Поплавский, Федотов,
А с ними Зиганшин Асхан.

1960

Татуировка

Не делили мы тебя и не ласкали
А что любили – так это позади, —
Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
А Алеша выколол твой образ на груди.

И в тот день, когда прощались на вокзале,
Я тебя до гроба помнить обещал, —
Я сказал: «Я не забуду в жизни Вали!»
«А я – тем более!» – мне Леша отвечал.

А теперь реши, кому из нас с ним хуже,
И кому трудней – попробуй разбери:
У него – твой профиль выколот снаружи,
А у меня – душа исколота внутри.

И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, —
Пусть слова мои тебя не оскорбят, —
Я прошу, чтоб Леха расстегнул рубаху,
И гляжу, гляжу часами на тебя.

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
Он беду мою искусством поборол:
Он скопировал тебя с груди у Леша
И на грудь мою твой профиль наколот.

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя – верней твоя – татуировка
Много лучше и красивей, чем его!

1961

«Я был душой дурного общества...»

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.

В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у скокарей,
Свой человек – у щипачей, —
И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел, —
Но кто-то там однажды скурвился, ссучился —
Шепнул, навел – и я сгорел.

Начальник вел себя не въедливо,
Но на допросы вызывал, —
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:

«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу, —
И я, начальник, спал спокойненько,
И весь ваш МУР видал в гробу!»

И дело не было отложено
И огласили приговор, —
И дали все, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.

Мой адвокат хотел по совести
За мой такой веселый нрав, —
А прокурор просил всей строгости —
И был, по-моему, неправ.

С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект, —
Зачем же быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!

1962

Ленинградская блокада

Я вырос в ленинградскую блокаду,
Но я тогда не пил и не гулял,
Я видел, как горят огнем Бадаевские склады,
В очередях за хлебушком стоял.

Граждане смелые,
а что ж тогда вы делали,
Когда наш город счет не вел смертям?
Ели хлеб с икоркою, —
а я считал махоркою
Окурок с-под платформы черт-те с чем
напополам.

От стужи даже птицы не летали,
А вору было нечего украсть,
Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали,
А я боялся – только б не упасть!

Было здесь до фига
голодных и дистрофиков —
Все голодали, даже прокурор, —
А вы в эвакуации
читали информации
И слушали по радио «От Совинформбюро».

Блокада затянулась, даже слишком,
Но наш народ врагов своих разбил, —
И можно жить, как у Христа за пазухой под мышкой,
Но только вот мешает бригадмил.

Я скажу вам ласково,
граждане с повязками,
В душу ко мне лапою не лезь!
Про жизнь вашу личную
и непатриотичную
Знают уже органы и ВЦСПС!

1961

«Что же ты, зараза, бровь себе побрила...»

Что же ты, зараза, бровь себе побрила,
Ну для чего надела, падла, синий свой берет!
И куда ты, стерва, лыжи наострила —
От меня не скроешь ты в наш клуб второй билет!

Знаешь ты, что я души в тебе не чаю,
Для тебя готов я днем и ночью воровать, —
Но в последнее время чтой-то замечаю,
Что ты мне стала слишком часто изменять.

Если это Колька или даже Славка —
Супротив товарищей не стану возражать,
Но если это Витька с Первой Перьяславки —
Я ж тебе ноги обломаю, в бога душу мать!

Рыжая шалава, от тебя не скрою:
Если ты и дальше будешь свой берет носить —
Я тебя не трону, а в душе зарюю
И прикажу залить цементом, чтобы не разрыть.

А настанет лето – ты еще вернешься,
Ну, а я себе такую бабу отхвачу,
Что тогда ты, стерва, от зависти загнешься,
Скажешь мне: «Прости!» – а я плевать не захочу!

1961

«Позабыв про дела и тревоги...»

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять у дороги —
Запоздалых прохожих пугать!

«Гражданин, разрешите папироску!»
«Не курю. Извините, пока!»
И тогда я так просто, без спросу
Отбираю у дяди бока.

Сделав вид, что уж все позабыто,
Отбежав на полсотни шагов,
Обзовет меня дядя бандитом,
Хулиганом – и будет таков.

Но если женщину я повстречаю —
У нее не прошу закурить,
А спокойно ей так намекаю,
Что ей некуда больше спешить...

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять на дороге!..
Только лучше б мне баб не встречать!

1963

Серебряные струны

У меня гитара есть – расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я зароюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею – и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду —
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

1962

Тот, кто раньше с нею был

В тот вечер я не пил, не пел —
Я на нее всю глядел,
Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —
Он мне грубил, он мне грозил.
А я все помню – я был не пьяный.
Когда ж я уходить решил,
Она сказала: «Не спеши!»
Она сказала: «Не спеши,
Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл, —
И как-то в осень, и как-то в осень —
Иду с дружкой, гляжу – стоят, —
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд —
Их было восемь.

Со мною – нож, решил я: что ж.
Меня так просто не возьмешь, —
Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
Вполне серьезно, вполне серьезно.
Мне кто-то на плечи повис, —
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись!» —
Но было поздно.

За восемь бед – один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек.
Он мне сказал: «Держись, браток!»

Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, ее – прощаю.
Ее, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Не извиняю.

Ее, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
Я повстречаю!

«У тебя глаза – как нож...»

У тебя глаза – как нож:
Если прямо ты взглянешь —
Я забываю, кто я есть и где мой дом;
А если косо ты взглянешь —
Как по сердцу полоснешь
Ты холодным, острым серым тесаком.

Я здоров – к чему скрывать, —
Я пятаки могу ломать,
А недавно головой быка убил, —
Но с тобой жизнь коротать —
Не подковы разгибать,
А прибить тебя – морально нету сил.

Вспомни, было ль, хоть разок,
Чтоб я из дому убег, —
Ну когда же надоест тебе гулять!
С грабежу я прихожу —
Язык за спину завожу
И бегу тебя по городу шукать.

Я все ноги исходил —
Велосипед себе купил,
Чтоб в страданиях облегчения была, —
Но налетел на самосвал —
К Склифосовскому попал, —
Навестить меня ты даже не пришла.

И хирург – седой старик —
Он весь обмяк и как-то сник:
Он шесть суток мою рану зашивал!
А когда кончился наркоз,
Стало больно мне до слез:
Для кого ж своей я жизнью рисковал!

Ты не радуйся, змея, —
Скоро выпишут меня —
Отомщу тебе тогда без всяких схем:
Я тебе точно говорю,
Востру бритву наострю —
И обрею тебя наголо совсем!

1961

Лежит камень в степи

Артуру Макарову

Лежит камень в степи,
А под него вода течет,
А на камне написано слово:

«Кто направо пойдет —
Ничего не найдет,
А кто прямо пойдет —
Никуда не придет,
Кто налево пойдет —
Ничего не поймет
И ни за грош пропадет».

Перед камнем стоят
Без коней и без мечей
И решают: идти иль не надо.

Был один из них зол,
Он направо пошел,
В одиночку пошел, —
Ничего не нашел —
Ни деревни, ни сел, —
И обратно пришел.

Прямо нету пути —
Никуда не прийти,
Но один не поверил в заклатья

И, подобравши подол,
Напрямую пошел, —
Сколько он ни бродил —
Никуда не забрел, —
Он вернулся и пил,
Он обратно пришел.

Ну а третий – был дурак,
Ничего не знал и так,
И пошел без опаски налево.

Долго ль, коротко ль шагал —
И совсем не страдал,
Пил, гулял и отдыхал,
Ничего не понимал, —
Ничего не понимал,

Так всю жизнь и прошагал —
И не сгинул, и не пропал.

1962

Большой Каретный

Левону Кочаряну

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нем.
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто в Большом Каретном не бывал.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь,
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

1962

«Если б водка была на одного...»

Если б водка была на одного —
Как чудесно бы было!
Но всегда покурить — на двоих,
Но всегда распивать — на троих.
Что же — на одного?
На одного — колыбель и могила.

От утра и до утра
Раньше песни пелись,
Как из нашего двора
Все поразлетелись —
Навсегда, кто куда,
На долгие года.

Говорят, что жена — на одного, —
Спокон веку так было.
Но бывает жена — на двоих,
Но бывает она — на троих.
Что же — на одного?
На одного — колыбель и могила.

От утра и до утра
Раньше песни пелись,
Как из нашего двора
Все поразлетелись —
Навсегда, кто куда,
На долгие года.

Сколько ребят у нас в доме живет,
Сколько ребят в доме рядом!
Сколько блатных мои песни поет,
Сколько блатных еще сядут —
Навсегда, кто куда,
На долгие года!

1964

«СКОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО ЛЕТ...»

Сколько лет, сколько лет —
Все одно и то же:
Денег нет, женщин нет,
Да и быть не может.

Сколько лет воровал,
Сколько лет старался, —
Мне б скопить капитал —
Ну а я спивался.

Ни кола ни двора
И ни рожь с кожей,
И друзей — ни хера,
Да и быть не может.

Сколько лет воровал,
Сколько лет старался, —
Мне б скопить капитал —
Ну а я спивался...

Только — водка на троих,
Только — пика с червой, —
Комом — все блины мои,
А не только первый.

1966

«Правда ведь, обидно – если завязал...»

Правда ведь, обидно – если завязал,
И товарищ продал, падла, и за все сказал:
За давнишнее, за драку, – все сказал Сашок, —
И двое в синем, двое в штатском, черный воронок...

До свиданья, Таня, а может быть – прощай!
До свиданья, Таня, если можешь – не серчай!
Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак!

На суде судья сказал: «Двадцать пять! До встречи!»
Раньше б горло я порвал за такие речи!
А теперь – терплю обиду, не показываю виду, —
Если встречу я Сашка – ох как изувечу!

До свиданья, Таня, а может быть – прощай!
До свиданья, Таня, если можешь – не серчай!
Но все-таки обидно, чтоб за просто так
Выкинуть из жизни напрочь цельный четвертак!

1962

«– Эй, шофер, вези – Бутырский хутор...»

– Эй, шофер, вези – Бутырский хутор,
Где тюрьма, – да поскорее мчи!
– Ты, товарищ, опоздал,
ты на два года перепутал —
Разбирают уж тюрьму на кирпичи.

– Очень жаль, а я сегодня спозаранку
По родным решил проехаться местам...
Ну да ладно, что ж, шофер,
вези меня в «Таганку», —
Погляжу, ведь я бывал и там.

– Разломали старую «Таганку» —
Подчистую, всю, ко всем чертям!
– Что ж, шофер, давай назад,
крути-верти назад свою баранку, —
Так ни с чем поедем по домам.

Или нет, шофер, давай закурим,
Или лучше – выпьем поскорей!
Пьем за то, чтоб не осталось
по России больше тюрем,
Чтоб не стало по России лагерей!

1963

«За меня невеста отрыдает честно...»

За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоют все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.

Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара – без струны.
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.

Мне нельзя на волю – не имею права, —
Можно лишь – от двери до стены.
Мне нельзя налево, мне нельзя направо —
Можно только неба кусок, можно только сны.

Сны – про то, как выйду, как замок мой снимут,
Как мою гитару отдадут,
Кто меня там встретит, как меня обнимут
И какие песни мне споют.

1963

Рецидивист

Это был воскресный день – и я не лазил по карманам:
В воскресенье – отдыхать, – вот мой девиз.
Вдруг – свисток, меня хватают, обзывают хулиганом,
А один узнал – кричит: «Рецидивист!»

«Брось, товарищ, не ершись,
Моя фамилия – Сергеев, —
Ну, а кто рецидивист —
Так я ж понятия не имею».

И это был воскресный день, но мусора не отдыхают:
У них тоже – план давай, хоть удавись, —
Ну а если перевыполнят, так их там награждают —
На вес золота там вор-рецидивист.

С уваженьем мне: «Садись! —
Угощают „Беломором“. —
Значит – ты рецидивист?
Распишись под протоколом!»

И это был воскресный дань, светило солнце как бездельник,
И все люди – кто с друзьями, кто с семьей, —
Ну а я сидел скучал, как в самый грустный понедельник:
Мне майор попался очень деловой.

«Сколько раз судились вы?»
«Плохо я считать умею!»
«Но все же вы – рецидивист?»
«Да нет, товарищ, я – Сергеев».

Это был воскресный день – а я потел, я лез из кожи, —
Но майор был в математике горазд:
Он чего то там сложил, потом умножил, подытожил —
И сказал, что я судился десять раз.

Подал мне начальник лист —
Расписался как умею —
Написал: «Рецидивист
По фамилии Сергеев».

И это был воскресный день, я был усталым и побитым, —
Но одно я знаю, одному я рад:
В семилетний план поимки хулиганов и бандитов
Я ведь тоже внес свой очень скромный вклад!

1964

«Я женщин не бил до семнадцати лет...»

Я женщин не бил до семнадцати лет —
В семнадцать ударил впервые, —
С тех пор на меня просто удержу нет:
Направо – налево
я им раздаю «чаевые».

Но как же случилось, что интеллигент,
Противник насилия в быте,
Так низко упал я – и в этот момент,
Ну если хотите,
себя оскорбил мордобитьем?

А было все так: я ей не изменил
За три дня ни разу, признаться, —
Да что говорить – я духи ей купил! —
Французские, братцы,
За тридцать четыре семнадцать.

Но был у нее продавец из «ТЭЖЕ» —
Его звали Голубев Слава, —
Он эти духи подарил ей уже, —
Налево-направо
моя улыбалась шалава.

Я был молодой, и я вспыльчивый был —
Претензии выложил кратко —
Сказал ей: «Я Славку вчера удавил, —
Сегодня ж, касатка,
тебя удавлю для порядка!»

Я с дрожью в руках подошел к ней впритык,
Зубами стуча «Марсельезу», —
К гортани присох непослушный язык —
И справа, и слева
я ей основательно врезал.

С тех пор все шалавы боятся меня —
И это мне больно, ей-богу!
Поэтому я – не проходит и дня —
Бью больно и долго, —
но всех не побьешь – их ведь много.

1963

Про Сережу Фомина

Я рос как вся дворовая шпана —
Мы пили водку, пели песни ночью, —
И не любили мы Сережку Фомина
За то, что он всегда сосредоточен.

Сидим раз у Сережки Фомина —
Мы у него справляли наши встречи, —
И вот о том, что началась война,
Сказал нам Молотов в своей известной речи.

В военкомате мне сказали: «Старина,
Тебе броню дает родной завод „Компрессор”!»
Я отказался, — а Сережку Фомина
Спасал от армии отец его, профессор.

Кровь лью я за тебя, моя страна,
И все же мое сердце негодует:
Кровь лью я за Сережку Фомина —
А он сидит и в ус себе не дует!

Теперь небось он ходит по кинам —
Там хроника про нас перед сеансом, —
Сюда б сейчас Сережку Фомина —
Чтоб побыл он на фронте на германском!

...Но наконец закончилась война —
С плеч сбросили мы словно тонны груза, —
Встречаю я Сережку Фомина —
А он Герой Советского Союза...

1963

Штрафные батальоны

Всего лишь час дают на артобстрел —
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, ну, а кому – до «вышки».

За этот час не пишем ни строки —
Молись богам войны артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так – мы штрафники, —
Нам не писать: «...считайте коммунистом».

Перед атакой – водку, – вот мура!
Свое отпили мы еще в гражданку.
Поэтому мы не кричим «ура» —
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец:
Коли, руби фашистского бродягу,
И если не поймаешь в грудь свинец —
Медаль на грудь поймаешь за отвагу.

Ты бей штыком, а лучше – бей рукой:
Оно надежней, да оно и тише, —
И ежели останешься живой —
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг: морально мы слабы, —
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль – и вот сейчас обстрел, —
Ну, бог войны, давай без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, а большинству – до «вышки»...

1963

Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям

В Пекине очень мрачная погода,
У нас в Тамбове на заводе перекур, —
Мы пишем вам с тамбовского завода,
Любители опасных авантюр!

Тем, что вы договор не подписали,
Вы причинили всем народам боль
И, извращая факты, доказали,
Что вам дороже генерал де Голль.

Нам каждый день насущный мил и дорог, —
Но если даже вспомнить старину,
То это ж вы изобретали порох
И строили Китайскую стену.

Мы понимаем – вас совсем не мало,
Чтоб триста миллионов погубить, —
Но мы уверены, что сам товарищ Мао,
Ей-богу, очень-очень хочет жить.

Когда вы рис водою запивали —
Мы проявляли интернационализм, —
Небось, когда вы русский хлеб жевали,
Не говорили про оппортунизм!

Бойтесь вы, что – реваншисты в Бонне,
Что – Вашингтон грозитя перегнуть, —
Но сам Хрущев сказал еще в ООНе,
Что мы покажем кузькину им мать!

Вам не нужны ни бомбы, ни снаряды —
Не раздувайте вы войны пожар, —
Мы нанесем им, если будет надо,
Ответный термоядерный удар.

А если зуд – без дела не страдайте, —
У вас еще достаточно делов:
Давите мух, рождаемость снижайте,
Уничтожайте ваших воробьев!

И не интересуйтесь нашим бытом —
Мы сами знаем, где у нас чего.
Так наш ЦК писал в письме открытом, —
Мы одобряем линию его!

1963

Антисемиты

Зачем мне считаться шпаной и бандитом —
Не лучше ль податься мне в антисемиты:
На их стороне, хоть и нету законов, —
Поддержка и энтузиазм миллионов.

Решил я – и, значит, кому-то быть битым,
Но надо ж узнать, кто такие семиты, —
А вдруг это очень приличные люди,
А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет!

Но друг и учитель – алкаш в бакалее —
Сказал, что семиты – простые евреи.
Да это ж такое везение, братцы, —
Теперь я спокоен – чего мне бояться!

Я долго крепился, ведь благоговейно
Всегда относился к Альберту Эйнштейну.
Народ мне простит, но спрошу я невольно:
Куда отнести мне Абрама Линкольна?

Средь них – пострадавший от Сталина Каплер,
Средь них – уважаемый мной Чарли Чаплин,
Мой друг Рабинович и жертвы фашизма,
И даже основоположник марксизма.

Но тот же алкаш мне сказал после дельца,
Что пьют они кровь христианских младенцев;
И как-то в пивной мне ребята сказали,
Что очень давно они бога распяли!

Им кровушки надо – они по запарке
Замучили, гады, слона в зоопарке!
Украли, я знаю, они у народа
Весь хлеб урожая минувшего года!

По Курской, Казанской железной дороге
Построили дачи – живут там как боги...
На все я готов – на разбой и насилие, —
Бью я жидов – и спасаю Россию!

1963

Песня про Уголовный кодекс

Нам ни к чему сюжеты и интриги:
Про все мы знаем, про все, чего ни дашь.
Я, например, на свете лучшей книгой
Считаю Кодекс уголовный наш.

И если мне нейдет и не спится
Или с похмелья нет на мне лица —
Открою Кодекс на любой странице,
И не могу – читаю до конца.

Я не давал товарищам советы,
Но знаю я – разбой у них в чести, —
Вот только что я прочитал про это:
Не ниже трех, не выше десяти.

Вы вдумайтесь в простые эти строки —
Что нам романы всех времен и стран! —
В них есть бараки, длинные как сроки,
Скандалы, драки, карты и обман...

Сто лет бы мне не видеть этих строчек! —
За каждой вижу чью-нибудь судьбу, —
И радуюсь, когда статья – не очень:
Ведь все же повезет кому-нибудь!

И сердце стонет раненою птицей,
Когда начну свою статью читать,
И кровь в висках так ломится-стучится, —
Как мусора, когда приходят брать.

1964

Наводчица

– Сегодня я с большой охотою
Распоряжусь своей субботой,
И если Нинка не капризная,
Распоряжусь своею жизнью я!

– Постой, чудак, она ж – наводчица, —
Зачем?

– Да так, уж очень хочется!

– Постой, чудак, у нас – компания, —
Пойдем в кабак – зальем желание!

– Сегодня вы меня не пачкайте,
Сегодня пьянка мне – до лампочки:
Сегодня Нинка соглашается —
Сегодня жизнь моя решается!

– Ну и дела же с этой Нинкою!
Она спала со всей Ордынкою, —
И с нею спать ну кто захочет сам!..
– А мне плевать – мне очень хочется!

Сказала: любит, – все, заматано!
– Отвечу рупь за то, что врет она!
Она ж того – ко всем ведь просится...
– А мне чего – мне очень хочется!

– Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные,
Всегда одета, как уборщица...
– Плевать на это – очень хочется!

Все говорят, что – не красавица, —
А мне такие больше нравятся.
Ну, что ж такого, что – наводчица, —
А мне еще сильнее хочется!

1964

О нашей встрече

О нашей встрече что там говорить! —
Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий, —
Но мы с тобою сразу стали жить,
Не опасаясь пагубных последствий.

Я сразу сузил круг твоих знакомств,
Одел, обул и вытащил из грязи, —
Но за тобой тащился длинный хвост —
Длиннющий хвост твоих коротких связей.

Потом, я помню, бил друзей твоих:
Мне с ними было как-то неприятно, —
Хотя, быть может, были среди них
Наверняка отличные ребята.

О чем просила – делал мигом я, —
Я каждый день старался сделать ночью брачной.
Из-за тебя под поезд прыгнул я,
Но, слава богу, не совсем удачно.

И если б ты ждала меня в тот год,
Когда меня отправили на дачу, —
Я б для тебя украл весь небосвод
И две звезды Кремлевские в придачу.

И я клянусь – последний буду гад! —
Не ври, не пей – и я прощу измену, —
И подарю тебе Большой театр
И Малую спортивную арену.

А вот теперь я к встрече не готов:
Боюсь тебя, боюсь речей интимных —
Как жители японских городов
Боятся повторенья Хиросимы.

1964

Все ушли на фронт

Все срока уже закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены, —
Надпись: «Все ушли на фронт».

За грехи за наши нас простят,
Ведь у нас такой народ:
Если Родина в опасности —
Значит, всем идти на фронт.

Там год – за три, если бог хранит, —
Как и в лагере зачет.
Нынче мы на равных с вохрами —
Нынче всем идти на фронт.

У начальника Березкина —
Ох и гонор, ох и понт! —
И душа – крест-накрест досками, —
Но и он пошел на фронт.

Лучше было – сразу в тыл его:
Только с нами был он смел, —
Высшей мерой наградил его
Трибунал за самострел.

Ну а мы – все оправдали мы, —
Наградили нас потом:
Кто живые, тех – медалями,
А кто мертвые – крестом.

И другие заключенные
Пусть читают у ворот
Нашу память застекленную —
Надпись: «Все ушли на фронт»...

1964

«Я любил и женщин и проказы...»

Я любил и женщин и проказы:
Что ни день, то новая была, —
И ходили устные рассказы
Про мои любовные дела.

И однажды как-то на дороге
Рядом с морем – с этим не шути —
Встретил я одну из очень многих
На моем на жизненном пути.

А у ней – широкая натура,
А у ней – открытая душа,
А у ней – отличная фигура, —
А у меня в кармане – ни гроша.

Ну а ей – в подарок нужно кольца;
Кабаки, духи из первых рук, —
А взамен – немного удовольствий
От ее сомнительных услуг.

«Я тебе, – она сказала, – Вася,
Дорогое самое отдам!..»
Я сказал: «За сто рублей согласен, —
Если больше – с другом пополам!»

Женщины – как очень злые кони:
Захрипит, закусит удила!..
Может, я чего-нибудь не понял,
Но она обиделась – ушла.

... Через месяц улеглись волненья —
Через месяц вновь пришла она, —
У меня такое ощущение,
Что ее устроила цена!

1964

«Вот раньше жизнь!..»

Вот раньше жизнь!
И вверх, и вниз
Идешь без конвоиров, —
Покуришь план,
Пойдешь на бан
И щиплешь пассажиров.

А на разбой
Берешь с собой
Надежную шалаву,
Потом – за грудь
Кого-нибудь
И делаешь варшаву.

Пока следят,
Пока грозят —
Мы это переносим.
Наелся всласть,
Но вот взялась
«Петровка 38».

Прошел детдом, тюрьму, приют
И срока не боялся, —
Когда ж везли в народный суд —
Немного волновался.

Зачем нам врут:
«Народный суд»! —
Народу я не видел, —
Судье простор,
И прокурор
Тотчас меня обидел.

Ответил на вопросы я,
Но приговор – с издевкой, —
И не согласен вовсе я
С такой формулировкой!

Не отрицаю я вины —
Не в первый раз садился,
Но – написали, что с людьми
Я грубо обходился.

Неправда! – тихо подойдешь,
Попросишь сторублевку...

Причем тут нож,
Причем грабеж? —
Меняй формулировку!

Эх, был бы зал —
Я б речь сказал:
«Товарищи родные!
Зачем пенять —
Ведь вы меня
Кормили и поили!

Мне каждый деньги отдавал
Без слез, угроз и крови...
Огромное спасибо вам
За все на добром слове!»

И этот зал
Мне б хлопать стал,
И я б, прервав рыдания,
Им тихим голосом сказал:
«Спасибо за вниманье!»

Ну правда ведь —
Неправда ведь,
Что я – грабитель ловкий?
Как людям мне в глаза смотреть
С такой формулировкой?!

1964

Песня про стукача

В наш тесный круг не каждый попадал,
И я однажды – проклятая дата —
Его привел с собою и сказал:
«Со мною он – нальем ему, ребята!»

Он пил как все и был как будто рад,
А мы – его мы встретили как брата...
А он назавтра продал всех подряд, —
Ошибся я – простите мне, ребята!

Суда не помню – было мне невмочь,
Потом – барак, холодный как могила, —
Казалось мне – кругом сплошная ночь,
Тем более что так оно и было.

Я сохраню хотя б остаток сил, —
Он думает – отсюда нет возврата,
Он слишком рано нас похоронил, —
Ошибся он – поверьте мне, ребята!

И день наступит – ночь не на года, —
Я попрошу, когда придет расплата:
«Ведь это я привел его тогда —
И вы его отдайте мне, ребята!..»

1964

«Потеряю истинную веру...»

Потеряю истинную веру —
Больно мне за наш СССР:
Отберите орден у Насера —
Не подходит к ордену Насер!

Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим братом,
Но давать Героя – это брось!

Почему нет золота в стране?
Раздарили, гады, раздарили.
Лучше бы давали на войне,
А насеры после б нас простили!

1964

Песня о звездах

Мне этот бой не забыть нипочем —
Смертью пропитан воздух, —
А с небосклона бесшумным дождем
Падали звезды.

Снова упала – и я загадал:
Выйти живым из боя, —
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездой.

Я уж решил: миновала беда
И удалось отвертеться, —
С неба упала шальная звезда —
Прямо под сердце.

Нам говорили: «Нужна высота!»
И «Не жалеть патроны!»...
Вон покати́лась вторая звезда —
Вам на погоны.

Звезд этих в небе – как рыбы в прудах, —
Хватит на всех с лихвою.
Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже – Героем.

Я бы Звезду эту сыну отдал,
Просто – на память...
В небе горит, пропадает звезда —
Некуда падать.

1964

Братские могилы

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них на рыдают, —
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне – видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче,
На братских могилах не ставят крестов...
Но разве от этого легче?!

1963, ред. 1965

Городской романс

Я однажды гулял по столице – и
Двух прохожих случайно зашиб, —
И, попавши за это в милицию,
Я увидел ее – и погиб.

Я не знаю, что там она делала, —
Видно, паспорт пришла получать —
Молодая, красивая, белая...
И решил я ее разыскать.

Шел за ней – и запомнил парадное.
Что сказать ей? – ведь я ж – хулиган...
Выпил я – и позвал ненаглядную
В привокзальный один ресторан.

Ну а ей улыбались прохожие —
Мне хоть просто кричи «Караул!» —
Одному человеку по роже я
Дал за то, что он ей подморгнул.

Я икрою ей булки намазывал,
Деньги прямо рекою текли, —
Я ж такие ей песни заказывал!
А в конце заказал – «Журавли».

Обещанья я ей до утра давал,
Повторял что-то вновь ей и вновь:
«Я ж пять дней никого не обкрадывал,
Моя с первого взгляда любовь!»

Говорил я, что жизнь потеряна,
Я сморкался и плакал в кашне, —
А она мне сказала: «Я верю вам —
И отдамся по сходной цене».

Я ударил ее, птицу белую, —
Закипела горячая кровь:
Понял я, что в милиции делала
Моя с первого взгляда любовь...

1963

«Я был слесарь шестого разряда...»

Я был слесарь шестого разряда,
Я получки на ветер кидал, —
Получал я всегда сколько надо —
И плюс премию в каждый квартал.

Если пьешь, – понимаете сами —
Должен чтой-то иметь человек, —
Ну, и кроме невесты в Рязани,
У меня – две шалавы в Москве.

Шлю посылки и письма в Рязань я,
А шалавам – себя и вино, —
Каждый вечер – одно наказание
И всю ночь – истязанье одно.

Вижу я, что здоровье тает,
На работе – все брак и скандал, —
Никаких моих сил не хватает —
И плюс премии в каждый квартал.

Синяки и морщины на роже, —
И сказал я тогда им без слов:
На фиг вас – мне здоровье дороже, —
Поищите других фраеров!..

Если б знали, насколько мне лучше,
Как мне чудно – хоть кто б увидал:
Я один пропиваю получку —
И плюс премию в каждый квартал!

1964

Ребята, напишите мне письмо

Мой первый срок я выдержать не смог, —
Мне год добавят, может быть – четыре...
Ребята, напишите мне письмо:
Как там дела в свободном вашем мире?

Что вы там пьете? Мы почти не пьем.
Здесь – только снег при солнечной погоде...
Ребята, напишите обо всем,
А то здесь ничего не происходит!

Мне очень-очень не хватает вас, —
Хочу увидеть милые мне рожи!
Как там Надюха, с кем она сейчас?
Одна? – тогда пускай напишет тоже.

Страшней, быть может, – только Страшный суд!
Письмо мне будет уцелевшей нитью, —
Его, быть может, мне не отдадут,
Но все равно, ребята, напишите!..

1964

«Ну о чем с тобою говорить!..»

Ну о чем с тобою говорить!
Все равно ты порешь ахинею,
Лучше я пойду к ребятам пить —
У ребят есть мысли поважнее.

У ребят серьезный разговор —
Например, о том, кто пьет сильнее.
У ребят широкий кругозор —
От ларька до нашей бакалеи.

Разговор у нас и прям и груб —
Две проблемы мы решаем глоткой:
Где достать недостающий рупь
И – кому потом бежать за водкой.

Ты даешь мне утром хлебный квас —
Ну что тебе придумать в оправданье!
Интеллекты разные у нас —
Повышай свое образование!

1964

«Парня спасем...»

Парня спасем,
Парня в детдом —
На воспитанье!
Даром учить,
Даром поить,
Даром питанье!..

Жизнь – как вода,
Вел я всегда
Жизнь бесшабашную, —
Все ерунда,
Кроме суда
Самого страшного.

Все вам дадут,
Все вам споют —
Будьте прилежными, —
А за оклад —
Ласки дарят
Самые нежные.

Вел я всегда
Жизнь без труда —
Жизнь бесшабашную, —
Все ерунда,
Кроме суда
Самого страшного.

1964

Песня о нейтральной полосе

На границе с Турцией или с Пакистаном —
Полоса нейтральная; справа, где кусты, —
Наши пограничники с нашим капитаном,
А на ихней стороне – ихние посты,

А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

Капитанова невеста жить решила вместе —
Прикатила, говорит: «Милый!..» – то да се.
Надо ж хоть букет цветов подарить невесте:
Что за свадьба без цветов! – пьянка, да и все.

А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

К ихнему начальнику, точно по повестке,
Тоже баба прикатила – налетела блажь, —
Тоже «Милый» говорит, только по-турецки,
Будет свадьба, говорит, свадьба – и шабаш!

А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

Наши пограничники – храбрые ребята, —
Трое вызвались идти, а с ними капитан, —
Разве ж знать они могли про то, что азиаты
Порешили в эту ночь вдарить по цветам!

А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

Пьян от запаха цветов капитан мертвецки,
Ну и ихний капитан тоже в доску пьян, —
Повалился он в цветы, охнув по-турецки,
И, по-русски крикнув: «...мать!», рухнул капитан.

А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

Спит капитан – и ему снится,
Что открыли границу, как ворота в Кремле, —
Ему и на фиг не нужна была чужая заграница —
Он пройтись хотел по ничейной земле.
Почему же нельзя? Ведь земля-то – ничья,

Ведь она – нейтральная!

А на нейтральной полосе – цветы
Необычайной красоты!

1965

Попутчик

Хоть бы – облачко, хоть бы – тучка
В этот год на моем горизонте, —
Но однажды я встретил попутчика —
Расскажу вам о нем, знакомьтесь.

Он спросил: «Вам куда?» – «До Вологды»,
«Ну, до Вологды – это полбеды».

Чемодан мой от водки ломится —
Предложил я, как полагается:
«Может, выпить нам – познакомиться, —
Поглядим, кто быстрее сломается!..»

Он сказал: «Вылезать нам в Вологде,
Ну, а Вологда – это вона где!..»

Я не помню, кто первый сломался, —
Помню, он подливал, поддакивал, —
Мой язык, как шнурок, развязался —
Я кого-то ругал, оплакивал...

И проснулся я в городе Вологде,
Но – убей меня – не припомню где.

А потом мне пришили дельце
По статье Уголовного кодекса, —
Успокоили: «Все перемелется», —
Дали срок – не дали опомниться.

И остался я городе Вологде,
Ну а Вологда – это вона где!..

Пятьдесят восьмую дают статью —
Говорят: «Ничего, вы так молоды...»
Если б знал я, с кем еду, с кем водку пью, —
Он бы хрен доехал до Вологды!

Он живет себе в городе Вологде,
А я – на Севере, а Север – вона где!

...Все обиды мои – годы стерли,
Но живу я теперь, как в наручниках:
Мне до боли, до кома в горле
Надо встретить того попутчика!

Но живет он в городе Вологде,
А я – на Севере, а Север – вона где!..

1965

«Сыт я по горло, до подбородка...»

Игорю Кохановскому

Сыт я по горло, до подбородка —
Даже от песен стал уставать.
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!

Друг подавал мне водку в стакане,
Друг говорил, что это пройдет,
Друг познакомил с Веркой по пьяни:
Верка поможет, а водка спасет.

Не помогли ни Верка, ни водка:
С водки – похмелье, а с Верки – что взять!
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
И позывных не передавать!..

Сыт я по горло, сыт я по глотку.
Ох, надоело петь и играть!
Лечь бы на дно, как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать!

1965

«Мой друг уедет в Магадан...»

Игорю Кохановскому

Мой друг уедет в Магадан —
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уедет сам, уедет сам —
Не по этапу, не по этапу.

Не то чтоб другу не везло,
Не чтоб кому-нибудь назло,
Не для молвы: что, мол, чудак, —
А просто так.

Быть может, кто-то скажет: «Зря!
Как так решиться – всего лишиться!
Ведь там – сплошные лагеря,
А в них – убийцы, а в них – убийцы...»

Ответит он: «Не верь молве —
Их там не больше, чем в Москве!»
Потом уложит чемодан,
И – в Магадан!

Не то чтоб мне – не по годам, —
Я б прыгнул ночью из электрички,
Но я не еду в Магадан,
Забыв привычки, закрыв кавычки.

Я буду петь под струнный звон
Про то, что будет видеть он,
Про то, что в жизни не видал, —
Про Магадан.

Мой друг поедет сам собой —
С него довольно, с него довольно, —
Его не будет бить конвой —
Он добровольно, он добровольно.

А мне удел от бога дан...
А может, тоже – в Магадан?
Уехать с другом заодно —
И лечь на дно!..

1965

«В холода, в холода...»

В холода, в холода
От насиженных мест
Нас другие зовут города, —
Будь то Минск, будь то Брест, —
В холода, в холода...

Неспроста, неспроста,
От родных тополей
Нас суровые манят места —
Будто там веселей, —
Неспроста, неспроста...

Как нас дома ни грей —
Не хватает всегда
Новых встреч нам и новых друзей, —
Будто с нами беда,
Будто с ними теплой...

Как бы ни было нам
Хорошо иногда —
Возвращаемся мы по домам.
Где же ваша звезда?
Может — здесь, может — там...

1965

Высота

Вцепились они в высоту, как в свое.
Огонь минометный, шквальный...
А мы все лезли толпой на нее,
Как на буфет вокзальный.

И крики «ура» застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту —
Семь раз мы ее оставляли.

И снова в атаку не хочется всем,
Земля – как горелая каша...
В восьмой раз возьмем мы ее насовсем —
Свое возьмем, кровное, наше!

А может, ее стороной обойти, —
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно – все судьбы-пути
На этой высотке скрестились.

1965

Песня про снайпера, который через 15 лет после войны спился и сидит в ресторане

А ну-ка пей-ка,
Кому не лень!
Вам жизнь – копейка,
А мне – мишень.
Который в фетрах,
Давай на спор:
Я – на сто метров,
А ты – в упор.

Не та раскладка,
Но я не трус.
Итак, десятка —
Бубновый туз...
Ведь ты же на спор
Стрелял в упор, —
Но я ведь – снайпер,
А ты – тапер.

Куда вам деться!
Мой выстрел – хлоп!
Девятка в сердце,
Десятка – в лоб...
И черной точкой
На белый лист —
Легла та ночка
На мою жисть!

1965

День рождения лейтенанта милиции в ресторане «Берлин»

Побудьте день вы в милицейской шкуре —
Вам жизнь покажется наоборот.
Давайте выпьем за тех, кто в МУРе, —
За тех, кто в МУРе никто не пьет.

А за соседним столом – компания,
А за соседним столом – веселие, —
А она на меня – ноль внимания,
Ей сосед ее шпарит Есенина.

Побудьте день вы в милицейской шкуре —
Вам жизнь покажется наоборот.
Давайте выпьем за тех, кто в МУРе, —
За тех, кто в МУРе никто не пьет.

Понимаю я, что в Тамаре – ум,
Что у ей – диплом и стремления, —
И я вылил водку в аквариум:
Пейте, рыбы, за мой день рождения!

Побудьте день вы в милицейской шкуре —
Вам жизнь покажется наоборот.
Давайте ж выпьем за тех, кто в МУРе, —
За тех, кто в МУРе никто не пьет...

1965

«Перед выездом в загранку...»

Перед выездом в загранку
Заполняешь кучу бланков —
Это еще не беда,
Но в составе делегаций
С вами едет личность в штатском —
Просто завсегда.

А за месяц до вояжа
Инструктаж проходишь даже —
Как там проводить все дни:
Чтоб поменьше безобразий,
А потусторонних связей
Чтобы – ни-ни-ни!

...Личность в штатском – парень рыжий —
Мне представился в Париже:
«Будем с вами жить, я – Никодим.
Вел нагрузки, жил в Бобруйске,
Папа – русский, сам я – русский,
Даже не судим».

Исполнительный на редкость,
Соблюдал свою секретность
И во всем старался мне помочь:
Он теперь по роду службы
Дорожил моею дружбой
Просто день и ночь.

На экскурсию по Риму
Я решил – без Никодиму:
Он всю ночь писал – и вот уснул, —
Но личность в штатском, оказалось,
Раньше боксом увлекалась —
Так что – не рискнул.

Со мной он завтракал, обедал,
И везде – за мною следом, —
Будто у него нет дел.
Я однажды для порядку
Заглянул в его тетрадку —
Просто обалдел!

Он писал – такая стерва! —
Что в Париже я на мэра
С кулаками нападаю,

Что я к женщинам несдержан
И влияниям подвержен
Будто Запада...

Значит, личность может даже
Заподозрить в шпионаже!..
Вы прикиньте – что тогда?
Это значит – не увижу
Я ни Риму, ни Парижу
Больше никогда!..

1965

«Есть на земле предостаточно рас...»

Есть на земле предостаточно рас —
Просто цветная палитра, —
Воздуха каждый вдыхает за раз
Два с половиною литра!

Если так дальше, так – полный привет —
Скоро конец нашей эры:
Эти китайцы за несколько лет
Землю лишат атмосферы!

Сон мне тут снился неделю подряд —
Сон с пробуждением кошмарным:
Будто – я в дом, а на кухне сидят
Мао Цзедун с Ли Сын Маном!

И что – разделился наш маленький шар
На три огромные части,
Нас – миллиард, их – миллиард,
А остальное – китайцы.

И что – подают мне какой-то листок:
На, мол, подписывай – ну же, —
Очень нам нужен ваш Дальний Восток —
Ах, как ужасно нам нужен!..

Только об этом я сие вспоминал,
Только о нем я и думал, —
Я сослуживца недавно назвал
Мао – простите – Цзедуном!

Но вскорости мы на Луну полетим, —
И что нам с Америкой драться:
Левую – нам, правую – им,
А остальное – китайцам.

1965

Песня о сумасшедшем доме

Сказал себе я: брось писать, —
но руки сами просятся.
Ох, мама моя родная, друзья любимые!
Лежу в палате – косятся,
не сплю: боюсь – набросятся, —
Ведь рядом – психи тихие, неизлечимые.

Бывают психи разные —
не буйные, но грязные, —
Их лечат, морят голодом, их санитары бьют.
И вот что удивительно:
все ходят без смирительных
И то, что мне приносится, все психи эти жрут.

Куда там Достоевскому
с «Записками» известными, —
Увидел бы, покойничек, как бьют об двери лбы!
И рассказать бы Гоголю
про нашу жизнь убогую, —
Ей-богу, этот Гоголь бы нам не поверил бы.

Вот это мука, – плюй на них! —
они же ведь, суки, буйные:
Все норовят меня лизнуть, – ей-богу, нету сил!
Вчера в палате номер семь
один свихнулся насовсем —
Кричал: «Даешь Америку!» – и санитаров бил.

Я не желаю славы, и
пока я в полном здравии —
Рассудок не померк еще, но это впереди, —
Вот главврачиха – женщина —
пусть тихо, но помешана, —
Я говорю: «Сойду с ума!» – она мне: «Подожди!»

Я жду, но чувствую – уже
хожу по лезвию ноже:
Забыл алфавит, падежей припомнил только два...
И я прошу моих друзья,
чтоб кто бы их бы ни был я,
Забрать его, ему, меня отсюда!

1965

Про черта

У меня запой от одиночества —
По ночам я слышу голоса...
Слышу – вдруг зовут меня по отчеству, —
Глянул – черт, – вот это чудеса!
Черт мне корчил рожи и моргал,
А я ему тихонечко сказал:

«Я, брат, коньяком напился вот уж как!
Ну, ты, наверно, пьешь денатурат...
Слушай, черт-чертяка-чертик-чертушка,
Сядь со мной – я очень буду рад...
Да неужели, черт возьми, ты трус?!
Слезь с плеча, а то перекрещусь!»

Черт сказал, что он знаком с Борисовым —
Это наш запойный управдом, —
Черт за обе щеки хлеб уписывал,
Брезговать не стал и коньяком.
Кончился коньяк – не пропадем, —
Съездим к трем вокзалам и возьмем.

Я устал, к вокзалам черт мой съездил сам...
Просыпаюсь – снова черт, – боюсь:
Или он по новой мне пригрезился,
Или это я ему кажусь.
Черт ругнулся матом, а потом
Целоваться лез, вилял хвостом.

Насмеялся я над ним до коликов
И спросил: «Как там у вас в аду
Отношение к нашим алкоголикам —
Говорят, их жарят на спирту?!»
Черт опять ругнулся и сказал:
«И там не тот товарищ правит бал!»

...Все кончилось, светлее стало в комнате, —
Черта я хотел опохмелять,
Но растворился черт как будто в омуте...
Я все жду – когда придет опять...
Я не то чтоб чокнутый какой,
Но лучше – с чертом, чем с самим собой.

1965

Песня о сентиментальном боксере

Удар, удар... Еще удар...
Опять удар – и вот
Борис Буткеев (Краснодар)
Проводит апперкот.

Вот он прижал меня в углу,
Вот я едва ушел...
Вот апперкот – я на полу
И мне нехорошо!

И думал Буткеев, мне челюсть кроша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!

При счете семь я все лежу —
Рыдают землячки.
Встаю, ныряю, ухожу —
И мне идут очки.

Неправда, будто бы к концу
Я силы берегу, —
Бить человека по лицу
Я с детства не могу.

Но думал Буткеев, мне ребра круша:
И жить хорошо, и жизнь хороша!

В трибунах свист, в трибунах вой:
«Ату его, он трус!»
Буткеев лезет в ближний бой —
А я к канатам жмусь.

Но он пролез – он сибиряк,
Настырные они, —
И я сказал ему: «Чудак!
Устал ведь – отдохни!»

Но он не услышал – он думал, дыша:
Что жить хорошо, и жизнь хороша

А он все бьет – здоровый, черт! —
Я вижу – быть беде.
Ведь бокс не драка – это спорт
Отважных и т. д.

Вот он ударил – раз, два, три —

И... сам лишился сил, —
Мне руку поднял рефери,
Которой я не бил.

Лежал он и думал, что жизнь хороша,
Кому хороша, а кому – ни шиша!

1966

Песня космических негодяев

Вы мне не поверите и просто не поймете:
В космосе страшней, чем даже в дантовском аду, —
По пространству-времени мы прем на звездолете,
Как с горы на собственном заду.

Но от Земли до Беты – восемь ден,
Ну а до планеты Эпсилон —
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска – ох, влипли как!
Наизусть читаем Киплинга,
А вокруг – космическая тьма.

На земле читали в фантастических романах
Про возможность встречи с иноземным существом, —
Мы на Земле забыли десять заповедей рваных,
Нам все встречи с ближним нипочем!

Но от Земли до Беты – восемь ден,
Ну а до планеты Эпсилон —
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска – ох, влипли как!
Наизусть читаем Киплинга,
А вокруг – космическая тьма.

Нам прививки сделаны от слез и грез дешевых,
От дурных болезней и от бешеных зверей, —
Нам плевать из космоса на взрывы всех сверхновых —
На Земле бывало веселей!

Но от Земли до Беты – восемь ден,
Ну а до планеты Эпсилон —
Не считаем мы, чтоб не сойти с ума.
Вечность и тоска – ох, влипли как!
Наизусть читаем Киплинга,
А вокруг – космическая тьма.

Прежнего, земного не увидим небосклона,
Если верить рассказам ученых чудаков, —
То, когда вернемся мы, по всем по их законам
На Земле пройдет семьсот веков!

То-то есть смеяться отчего:
На Земле бояться нечего —
На Земле нет больше тюрем и дворцов.
На Бога уповали бедного,

Но теперь узнали: нет его —
Ныне, присно и во век веков!

1966

В далеком созвездии Тау Кита

В далеком созвездии Тау Кита
Все стало для нас непонятно, —
Сигнал посылаем: «Вы что это там?» —
А нас посылают обратно.

На Тау Ките
Живут в тесноте —
Живут, между прочим, по-разному —
Товарищи наши по разуму.

Вот, двигаясь по световому лучу
Без помощи, но при посредстве,
Я к Тау Кита этой самой лечу,
Чтоб с ней разобраться на месте.

На Тау Кита
Чегой-то не так —
Там таукитайская братия
Свихнулась, – по нашим понятиям.

Покамест я в анабиозе лежу,
Те таукитяне буянят, —
Все реже я с ними на связь выхожу:
Уж очень они хулиганят.

У таукитов
В алфавите слов —
Немного, и строй – буржуазный,
И юмор у них – безобразный.

Корабль посадил я как собственный зад,
Слегка покривив отражатель.
Я крикнул по-таукитянки: «Виват!» —
Что значит по-нашему – «Здрасьте!».

У таукитян
Вся внешность – обман, —
Тут с ними нельзя состязаться:
То явятся, то растворятся...

Мне таукитянин – как вам папуас, —
Мне вкратце об них намекнули.
Я крикнул: «Галактике стыдно за вас!» —
В ответ они чем-то мигнули.

На Тау Ките
Условия не те:
Тут нет атмосферы, тут душно, —
Но таукитяне радушны.

В запале я крикнул им: мать вашу, мол!..
Но кибернетический гид мой
Настолько буквально меня перевел,
Что мне за себя стало стыдно.

Но таукиты —
Такие скоты —
Наверно, успели набраться:
То явятся, то растворятся...

«Вы, братья по полу, – кричу, – мужики!
Ну что...» – тут мой голос сорвался, —
Я таукитянку схватил за грудки:
«А ну, – говорю, – признавайся!..»

Она мне: «Уйди!» —
Мол, мы впереди —
Не хотим с мужчинами знаться, —
А будем теперь почковаться!

Не помню, как поднял я свой звездолет, —
Лечу в настроенье питейном:
Земля ведь ушла лет на триста вперед,
По гнусной теории Эйнштейна!

Что, если и там,
Как на Тау Кита,
Ужасно повысилось знанье, —
Что, если и там – почкованье?!

1966

Про дикого вепря

В королевстве, где все тихо и складно,
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий вепрь громадный —
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур.

Сам король страдал желудком и астмой,
Только кашлем сильный страх наводил, —
А тем временем зверюга ужасный
Коих ел, а коих в лес волочил.

И король тотчас издал три декрета:
«Зверя надо одолеть наконец!
Вот кто отчаётся на это, на это,
Тот принцессу поведет под венец».

А в отчаявшемся том государстве —
Как войдешь, так прямо наискосок —
В бесшабашной жил тоске и гусарстве
Бывший лучший, но опальный стрелок.

На полу лежали люди и шкуры,
Пели песни, пили меды – и тут
Протрубили во дворце трубадуры,
Хватъ стрелка – и во дворец волокут.

И король ему прокашлял: «Не буду
Я читать тебе морали, юнец, —
Но если завтра победишь чуду-юду,
То принцессу поведешь под венец».

А стрелок: «Да это что за награда?!
Мне бы – выкатить портвейна бадью!»
Мол, принцессу мне и даром не надо, —
Чуду-юду я и так победю!

А король: «Возьмешь принцессу – и точка!
А не то тебя раз-два – и в тюрьму!
Ведь это все же королевская дочка!..»
А стрелок: «Ну хоть убей – не возьму!»

И пока король с ним так препирался,
Съел уже почти всех женщин и кур
И возле самого дворца ошивался
Этот самый то ли бык, то ли тур.

Делать нечего – портвейн он отспорил, —
Чуду-юду уложил – и убег...
Вот так принцессу с королем опозорил
Бывший лучший, но опальный стрелок.

1966

«При всякой погоде...»

При всякой погоде —
Раз надо, так надо —
Мы в море уходим
Не на день, не на два.

А на суше – ромашка и клевер,
А на суше – поля залило, —
Но и птицы летят на Север,
Если им надоест тепло.

Не заходим мы в порты —
Раз надо, так надо, —
Не увидишь Босфор ты,
Не увидишь Канады.

Море бурное режет наш сейнер,
И подчас без земли тяжело, —
Но и птицы летят на Север,
Если им надоест тепло.

По дому скучаешь —
Не надо, не надо, —
Зачем уплываешь
Не на день, не на два!

Ведь на суше – ромашка и клевер,
Ведь на суше – поля залило...
Но и птицы летят на Север,
Если им надоест тепло.

1966

«Один музыкант объяснил мне пространно...»

Один музыкант объяснил мне пространно,
Что будто гитара свой век отжила, —
Заменят гитару электроорганы,
Элекророяль и электропила...

Гитара опять
Не хочет молчать —
Поет ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами!..

Я слышал вчера – кто-то пел на бульваре:
Был голос уверен, был голос красив, —
Но кажется мне – надоело гитаре
Звенеть под его залихватский мотив.

И все же опять
Не хочет молчать —
Поет ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами!..

Электророяль мне, конечно, не пара —
Другие появятся с песней другой, —
Но кажется мне – не уйдем мы с гитарой
В заслуженный и нежеланный покой.

Гитара опять
Не хочет молчать —
Поет ночами лунными,
Как в юность мою,
Своими семью
Серебряными струнами!..

«У домашних и хищных зверей...»

У домашних и хищных зверей
Есть человеческий вкус и запах.
А целый век ходить на задних лапах —
Это грустная участь людей.

Сегодня зрители, сегодня зрители
Не желают больше видеть укротителей.
А если хочется поукрощать —
Работай в розыске, – там благодать!

У немногих приличных людей
Есть человеческий вкус и запах,
А каждый день ходить на задних лапах —
Это грустная участь зверей.

Сегодня жители, сегодня жители
Не желают больше видеть укротителей.
А если хочется поукрощать —
Работай в цирке, – там благодать!

1966

«А люди все роптали и роптали...»

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!»

Им объяснили, чтобы не ругаться:
«Мы просим вас, уйдите, дорогие!
Те, кто едят – ведь это иностранцы,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

Но люди все роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади нас, уже едят!»

Им снова объяснил администратор:
«Я вас прошу, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, – ведь это ж делегаты,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»

А люди все роптали и роптали,
Но люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли, —
А те, кто сзади, нас уже едят...»

1966

Дела

В. Абдулову

Дела!
Меня замучили дела – каждый миг, каждый час,
каждый день, —
Дотла
Сгорело время, да и я – нет меня, – только тень,
только тень!

Ты ждешь...
А может, ждать уже устал – и ушел или спишь, —
Ну что ж, —
Быть может, мысленно со мною говоришь...

Теперь
Ты должен вечер мне один подарить, подарить, —
Поверь,
Мы будем только говорить!

Опять!
Все время новые дела у меня, все дела и дела...
Догнать,
Или успеть, или найти... Нет, опять не нашла, не нашла!

Беда!
Теперь мне кажется, что мне не успеть за судьбой —
Всегда
Последний в очереди ты, дорогой!

Теперь
Ты должен вечер мне один подарить, подарить, —
Поверь,
Мы будем только говорить!

Подруг
Давно не вижу – все дела у меня, без конца все дела, —
И вдруг
Сгорели пламенем дотла все дела, – не дела, а зола!

Весь год
Он ждал, но дольше ждать и дня не хотел, не хотел, —
И вот
Не стало вовсе у меня больше дел.

Теперь

Ты должен вечер мне один подарить, подарить, —
Поверь,
Что мы не будем говорить!

1966, ред. 1971

Песня о друге

Если друг
оказался вдруг
И не друг, и не враг,
а так;
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош, —
Парня в горы тyani —
рискни! —
Не бросай одного
его:
Пусть он в связке в одной
с тобой —
Там поймешь, кто такой.
Если парень в горах —
не ах,
Если сразу раскис
и вниз,
Шаг ступил на ледник —
и сник,
Оступился – и в крик, —
Значит, рядом с тобой —
чужой,
Ты его не брани —
гони.
Вверх таких не берут
и тут
Про таких не поют.
Если ж он не скулил,
не ныл,
Пусть он хмур был и зол,
но шел.
А когда ты упал
со скал,
Он стонал,
но держал;
Если шел он с тобой
как в бой,
На вершине стоял – хмельной, —
Значит, как на себя самого
Положись на него!

1966

Здесь вам не равнина

Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
Идут лавины одна за одной.
И здесь за камнепадом ревет камнепад, —
И можно свернуть, обрыв обогнуть, —
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес:
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил, —
Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом —
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но – нет, никто не гибнет зря!
Так лучше – чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, —
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну – не зевай!
Ты здесь на везение не уповай —
В горах не надежны ни камень, ни лед, ни скала, —
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк —
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони – ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим – у которых вершина еще впереди.

1966

Военная песня

Мерцал закат, как сталь клинка.
Свою добычу смерть считала.
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

А до войны – вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен, —
А вот теперь, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Ты снова здесь, ты собран весь —
Ты ждешь заветного сигнала.
А парень тот – он тоже здесь.
Среди стрелков из «Эдельвейс», —
Их надо сбросить с перевала!

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Взвод лезет вверх, а у реки —
Тот, с кем ходил ты раньше в паре.
Мы ждем атаки до тоски,
А вот альпийские стрелки
Сегодня что-то не в ударе...

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

1966

Скалолазка

Я спросил тебя: «Зачем идете в горы вы? —
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой, —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты – и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, —
Первый раз меня из пропасти вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины —
Но не обиделся, а приговаривал:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом на каждом нашем восхождении —
Но почему ты ко мне недоверчивая?! —
Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя, гуттаперчевая!

Ох, какая ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты учила меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я —
До тебя уже мне рукой подать, —
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

«Ох, какая ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалоласковая!..»
Мы теперь одной веревкой связаны —
Стали оба мы скалолазами!

Прощание с горами

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы – просто некуда деться! —
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин, —
Что же делать – и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас – и зовут нас остаться! —
Но спускаемся мы – кто на год, кто совсем, —
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал!

1966

«Свои обиды каждый человек...»

Свои обиды каждый человек —
Проходит время – и забывает.
А моя печаль – как вечный снег:
Не тает, не тает.

Не тает она и летом
В полуденный зной, —
И знаю я: печаль-тоску мне эту
Век носить с собой.

1966

Она была в Париже

Л. Лужинной

Наверно, я погиб: глаза закрою – вижу.
Наверно, я погиб: робею, а потом —
Куда мне до нее – она была в Париже,
И я вчера узнал – не только в нем одном!

Какие песни пел я ей про Север дальний! —
Я думал: вот чуть-чуть – и будем мы на «ты», —
Но я напрасно пел о полосе нейтральной —
Ей глубоко плевать, какие там цветы.

Я спел тогда еще – я думал, это ближе —
«Про счетчик», «Про того, кто раньше с нею был»...
Но что ей до меня – она была в Париже, —
Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил!

Я бросил свой завод, хоть, в общем, был не вправе, —
Засел за словари на совесть и на страх...
Но что ей оттого – она уже в Варшаве, —
Мы снова говорим на разных языках...

Приедет – я скажу по-польски: «Прошу пани,
Прими таким, как есть, не буду больше петь...»
Но что ей до меня – она уже в Иране, —
Я понял: мне за ней, конечно, не успеть!

Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, —
Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..
Кто раньше с нею был, и тот, кто будет после, —
Пусть пробуют они – я лучше пережду!

1966

«Возле города Пекина...»

Возле города Пекина
Ходят-бродят хунвэйбины,
И старинные картины
Ищут-рыщут хунвэйбины, —
И не то чтоб хунвэйбины
Любят статуи, картины:
Вместо статуй будут урны
«Революции культурной».

И ведь главное, знаю отлично я,
Как они произносятся, —
Но чтой-то весьма неприличное
На язык ко мне просится:
Хун-вэй-бины...

Вот придумал им забаву
Ихний вождь товарищ Мао:
Не ходите, дети, в школу,
Приходите бить крамолу!
И не то чтоб эти детки
Были вовсе – малолетки, —
Изрубили эти детки
Очень многих на котлетки!

И ведь главное, знаю отлично я,
Как они произносятся, —
Но чтой-то весьма неприличное
На язык ко мне просится:
Хун-вэй-бины...

Вот немного посидели,
А теперь похулиганим —
Что-то тихо, в самом деле, —
Думал Мао с Ляо Бянем, —
Чем еще уконтрапупишь
Мировую атмосферу:
Вот еще покажем крупный кукиш
СэШэА и эСэСэРу!

И ведь главное, знаю отлично я,
Как они произносятся, —
Но чтой-то весьма неприличное
На язык ко мне просится:
Хун-вэй-бины...

1966

Песня-сказка о нечисти

В заповедных и дремучих,
страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
и в проезжих сеет страх:
Воет воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи – то разбойники.

Страшно, аж жуть!

В заколдованных болотах
там кикиморы живут, —
Защекочут до икоты
и на дно уволокут.
Будь ты пеший, будь ты конный —
заграбастают,
А уж лешие – так по лесу и шастают.

Страшно, аж жуть!

А мужик, купец и воин —
попадал в дремучий лес, —
Кто зачем: кто с перепояю,
а кто сдуру в чащу лез.
По причине пропадали, без причины ли, —
Только всех их и видали – словно сгинули.

Страшно, аж жуть!

Из заморского из лесу
где и вовсе сущий ад,
Где такие злые бесы —
чуть друг друга не едят, —
Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделиться приехали опытом.

Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник главный
им устроил буйный пир,
А от них был Змей трехглавый
и слуга его – Вампир, —
Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!

Страшно, аж жуть!

Змей Горыныч взмыл на дерево,
ну – раскачивать его:
«Выводи, Разбойник, девок, —
пусть покажут кой-чего!
Пусть нам лешие попляшут, попоют!
А не то я, мать вашу, всех сгною!»

Страшно, аж жуть!

Все взревели, как медведи:
«Натерпелись – сколько лет!
Ведьмы мы али не ведьмы,
Патриоты али нет?!
Налил бельма, ишь ты, клещ, – отоварился!
А еще на наших женщин позарился!..»

Страшно, аж жуть!

Соловей-разбойник тоже
был не только лыком шит, —
Гикнул, свистнул, крикнул: «Рожа,
ты, заморский, паразит!
Убирайся без боя, уматывай
И Вампира с собою прихватывай!»

Страшно, аж жуть!

...А теперь седые люди
помнят прежние дела:
Билась нечисть грудью в груди
и друг друга извела, —
Прекратилось навек безобразие —
Ходит в лес человек безбоязненно,
И не страшно ничуть!

1966

Песня о новом времени

Как призывный набат, прозвучали в ночи тяжело шаги, —
Значит, скоро и нам – уходить и прощаться без слов.
По нехоженным тропам протопали лошади, лошади,
Неизвестно к какому концу унося седоков.

Значит, время иное, лихое, но счастье, как встарь, ищи!
И в погоню за ним мы летим, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей,
На скаку не заметив, что рядом – товарищей нет.

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
О войне будут детские игры с названьями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.

Но когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платья, —
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять!..

1966

Песни 1967–1970 годов

«Корабли постоят – и ложатся на курс...»

Корабли постоят – и ложатся на курс,
Но они возвращаются сквозь непогоду...
Не пройдет и полгода – и я появлюсь,
Чтобы снова уйти,
чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все, кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.
Возвращаются все, кроме тех, кто нужней.
Я не верю судьбе,
я не верю судьбе, а себе – еще меньше.

И мне хочется верить, что это не так,
Что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в мечтах,
Я, конечно, спою – не пройдет и полгода.

Я, конечно, вернусь – весь в друзьях и в делах,
Я, конечно, спою – не пройдет и полгода.

1966

Случай в ресторане

В ресторане по стенкам висят тут и там
«Три медведя», «Заколотый витязь»...
За столом одиноко сидит капитан.
«Разрешите?» – спросил я. «Садитесь!

...Закури!» – «Извините, „Казбек“ не курю...»
«Ладно, выпей, – давай-ка посуду!..
Да пока принесут... Пей, кому говорю!
Будь здоров!» – «Обязательно буду!»

«Ну, так что же, – сказал, захмелев, капитан, —
Водку пьешь ты красиво, однако.
А видал ты вблизи пулемет или танк?
А ходил ли ты, скажем, в атаку?

В сорок третьем под Курском я был старшиной, —
За мою спиной – такое...
Много всякого, брат, за мою спиной,
Чтоб жилось тебе, парень, спокойно!»

Он ругался и пил, он спросил про отца,
И кричал он, уставясь на блюдо:
«Я полжизни отдал за тебя, подлеца, —
А ты жизнь прожигашь, иуда!

А винтовку тебе, а послать тебя в бой?!
А ты водку тут хлещешь со мною!..»
Я сидел как в окопе под Курской дугой —
Там, где был капитан старшиною.

Он все больше хмелел, я – за ним по пятам, —
Только в самом конце разговора
Я обидел его – я сказал: «Капитан,
Никогда ты не будешь майором!..»

1966

Пародия на плохой детектив

Опасаясь контрразведки,
избегая жизни светской,
Под английским псевдонимом «мистер Джон
Ланкастер Пек»,
Вечно в кожаных перчатках —
чтоб не делать отпечатков, —
Жил в гостинице «Советской» несоветский человек.

Джон Ланкастер в одиночку,
преимущественно ночью,
Щелкал носом – в ем был спрятан
инфракрасный объектив, —
А потом в нормальном свете
представало в черном цвете
То, что ценим мы и любим, чем гордится коллектив:

Клуб на улице Нагорной —
стал общественной уборной,
Наш родной Центральный рынок – стал похож
на грязный склад,
Искаженный микропленкой,
ГУМ – стал маленькой избенкой,
И уж вспомнить неприлично, чем предстал театр МХАТ.

Но работать без подручных —
может, грустно, а может, скучно, —
Враг подумал – враг был дока, —
написал фиктивный чек,
И где-то в дебрях ресторана
гражданина Епифана
Сбил с пути и с панталыку несоветский человек.
Епифан казался жадным,
хитрым, умным, плотоядным,
Меры в женщинах и в пиве он не знал и не хотел.
В общем так: подручный Джона
был находкой для шпиона, —
Так случиться может с каждым – если пьян и мягкотел!

«Вот и первое задание:
в три пятнадцать возле бани —
Может, раньше, а может, позже —
остановится такси, —
Надо сесть, связать шофера,
разыграть простого вора, —
А потом про этот случай растрелят по «Би-би-си».

И еще. Побрейтесь свеже,
и на выставке в Манеже
К вам приблизится мужчина с чемоданом – скажет он:
«Не хотите ли черешни?»
Вы ответите: «Конечно», —
Он вам даст батон с взрывчаткой —
принесете мне батон.

А за это, друг мой пьяный, —
говорил он Епифану, —
Будут деньги, дом в Чикаго,
много женщин и машин!»
...Враг не ведал, дурачина:
тот, кому все поручил он,
Был – чекист, майор разведки и прекрасный семьянин.

Да, до этих штучек мастер
этот самый Джон Ланкастер!..
Но жестоко просчитался пресловутый мистер Пек —
Обезврежен он, и даже
он пострижен и посажен, —
А в гостинице «Советской» поселился мирный грек.

1966

Профессионалы

Профессионалам —
зарплата навалом, —
Плевать, что на лед они зубы плюют.
Им платят деньжищи —
огромные тыщи, —
И даже за проигрыш, и за ничью.

Игрок хитер – пусть
берет на корпус,
Бьет в зуб ногой и – ни в зуб ногой, —
А сам в итоге
калечит ноги —
И вместо клюшки идет с клюкой.

Профессионалам,
отчаянным малым,
Игра – лотерея, – кому повезет.
Играют с партнером —
как бык с матадором, —
Хоть, кажется, принято – наоборот.

Как будто мертвый
лежит партнер твой.
И ладно, черт с ним – пускай лежит.
Не оплошай, бык, —
бог хочет шайбы,
Бог на трибуне – он не простит!

Профессионалам
судья криминалом
Ни бокс не считает, ни злой мордобой, —
И с ними лет двадцать
кто мог потягаться —
Как школьнику драться с отборной шпаной?!

Но вот недавно
их козырь главный —
Уже не козырь, а так, – пустяк, —
И их оружием
теперь не хуже
Их бьют, к тому же – на скоростях.

Профессионалы
в своем Монреале
Пускай разбивают друг другу носы, —

Но их представитель
(хотите – спросите!)
Недавно заклеен был в две полосы.

Сперва распластан,
а после – пластырь...
А ихний пастор – ну как назло! —
Он перед боем
знал, что слабо им, —
Молились строем – не помогло.

Профессионалам
по разным каналам —
То много, то мало – на банковский счет, —
А наши ребята
за ту же зарплату
Уже пятикратно уходят вперед!

Пусть в высшей лиге
плетут интриги
И пусть канадским зовут хоккей —
За нами слово, —
до встречи снова!
А футболисты – до лучших дней...

1967

Песенка про йогов

Чем славится индийская культура?
Ну, скажем, – Шива – многорук, клыкаст...
Еще артиста знаем – Радж Капура,
И касту йогов – странную из каст.

Говорят, что раньше йог
мог
Ни черта не бравши в рот —
год, —
А теперь они рекорд
бьют —
Все едят и целый год
пьют!

А что же мы? И мы не хуже многих —
Мы тоже можем много выпивать, —
И бродят многочисленные йоги —
Их, правда, очень трудно распознать.

Очень много может йог
штук:
Вот один недавно лег
вдруг,
Третий день уже летит, —
стыд! —
Ну, а он себе лежит
спит.

Я знаю, что у них секретов много, —
Поговорить бы с йогом тет-на-тет, —
Ведь даже яд не действует на йога:
На яды у него иммунитет.

Под водой не дышит час —
раз,
Не обидчив на слова —
два,
Если чует, что старик
вдруг —
Скажет: «стоп!», и в тот же миг —
труп!

Я попросил подвыпившего йога
(Он бритвы, гвозди ел, как колбасу):
«Послушай, друг, откройся мне – ей-бога,

С собой в могилу тайну унесу!»

Был ответ на мой вопрос
прост,
Но поссорились мы с ним
в дым, —
Я бы мог открыть ответ
тот,
Но йог велел хранить секрет,
вот...

1967

Песня-сказка про джинна

У вина достоинства, говорят, целебные, —
Я решил попробовать – бутылку взял, открыл...
Вдруг оттуда вылезло чтой-то непотребное:
Может быть, зеленый змий, а может – крокодил!

Если я чего решил – я выпью обязательно, —
Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно!

А оно – зеленое, пахучее, противное —
Прыгало по комнате, ходило ходуном, —
А потом слышалось пенье заунывное —
И виденье оказалось грубым мужиком!

Если я чего решил – я выпью обязательно, —
Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно!

И если б было у меня времени хотя бы час —
Я бы дворников позвал бы с метлами, а тут
Вспомнил детский детектив – «Старика Хоттабыча» —
И спросил: «Товарищ ибн, как тебя зовут?»

Если я чего решил – я выпью обязательно, —
Но к этим шуткам отношусь очень отрицательно!

«Так что хитрость, – говорю, – брось свою иудину —
Прямо, значит, отвечай: кто тебя послал,
Кто загнал тебя сюда, в винную посудину,
От кого скрывался ты и чего скрывал?»

Тот мужик поклоны бьет, отвечает вежливо:
«Я не вор, я не шпион, я вообще-то – дух, —
За свободу за мою – захотите ежели вы —
Изобью за вас любого, можно даже двух!»

Тут я понял: это – джин, – он ведь может многое —
Он ведь может мне сказать: «Враз озолочу!»...
«Ваше предложение, – говорю, – убогое.
Морды будем после бить – я вина хочу!

Ну а после – чудеса по такому случаю:
Я до небес дворец хочу – ты на то и бес!..»
А он мне: «Мы таким делам вовсе не обучены, —
Кроме мордобитиев – никаких чудес!»

«Врешь!» – кричу. «Шалишь!» – кричу. Но и дух – в амбицию, —

Стукнул раз – специалист! – видно по нему.
Я, конечно, побежал – позвонил в милицию.
«Убивают, – говорю, – прямо на дому!»

Вот они подъехали – показали аспиду!
Супротив милиции он ничего не смог:
Вывели болезного, руки ему – за спину
И с размаху кинули в черный воронок.

... Что с ним стало? Может быть, он в тюрьме мается, —
Чем в бутылке, лучше уж в Бутырке посидеть!
Ну а может, он теперь боксом занимается, —
Если будет выступать – я пойду смотреть!

1967

Песня о вещем Олеге

Как ныне собирается вещий Олег
Щита прибивать на ворота,
Как вдруг подбегает к нему человек —
И ну шепелявить чего-то.
«Эй, князь, — говорит ни с того ни с сего, —
Ведь примешь ты смерть от коня своего!»

Но только собрался идти он на вы —
Отмщать неразумным хазарам,
Как вдруг прибежали седые волхвы,
К тому же разя перегаром, —
И говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего.

«Да кто вы такие, откуда взялись?! —
Дружина взялась за нагайки, —
Напился, старик, — так пойдя похмелись,
И неча рассказывать байки
И говорить ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!»

Ну, в общем, они не сносили голов, —
Шутить не можете с князьями! —
И долго дружина топтала волхвов
Своими гнедыми конями:
Ишь, говорят ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

А вещий Олег свою линию гнул,
Да так, что никто и не пикнул, —
Он только однажды волхвов вспомянул,
И то — саркастически хмыкнул:
Ну надо ж болтать ни с того ни с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

«А вот он, мой конь — на века опочил, —
Один только череп остался!..»
Олег преспокойно стопу возложил —
И тут же на месте скончался:
Злая гадюка кусила его —
И принял он смерть от коня своего.

...Каждый волхвов покарать норовит, —
А нет бы — послушаться, правда?
Олег бы послушал — еще один щит

Прибил бы к вратам Цареграда.
Волхвы-то сказали с того и с сего,
Что примет он смерть от коня своего!

1967

Два письма

I

Здравствуй, Коля, милый мой, друг мой ненаглядный!
Во первых строках письма шлю тебе привет.
Вот приедешь ты, боюсь, занятой, нарядный —
Не заглянешь и домой, — сразу в сельсовет.

Как уехал ты — я в крик, — бабы прибежали.
«Ой, разлуки, — говорят, — ей не перенести».
Так скучала за тобой, что меня держали, —
Хоть причины не скучать очень даже есть.

Тута Пашка приходил — кум твой окаянный, —
Еле-еле не далась — даже щас дрожу.
Он три дня уж, почитай, ходит злой и пьяный —
Перед тем как приставать, пьет для куражу.

Ты, болтают, получил премию большую;
Будто Борька, наш бугай, — первый чемпион...
К злыдню этому быку я тебя ревную
И люблю тебя сильнее, нежели чем он.

Ты приснился мне во сне — пьяный, злой, угрюмый, —
Если думаешь чего — так не мучь себя:
С агрономом я прошлась, — только ты не думай —
Говорили мы весь час только про тебя.

Я-то ладно, а вот ты — страшно за тебя-то:
Тут недавно приезжал очень важный чин, —
Так в столице, говорит, всякие развраты,
Да и женщин, говорит, больше, чем мужчин.

Ты уж Коля, там не пей — потерпи до дому, —
Дома можно хоть чего: можешь — хоть в запой!
Мне не надо никого — даже агроному, —
Хоть культурный человек — не сравню с тобой.

Наш амбар в дожди течет — прохудился, верно, —
Без тебя невоготу — кто создаст уют?!
Хоть какой, но приезжай — жду тебя безмерно!
Если можешь, напиши — что там продают.

1967

II

Не пиши мне про любовь – не поверю я:
Мне вот тут уже дела твои прошлые.
Слушай лучше: тут – с лавсаном материя, —
Если хочешь, я куплю – вещь хорошая.

Водки я пока не пью – ну ни стопочки!
Экономлю и не ем даже супу я, —
Потому что я куплю тебе кофточку,
Потому что я люблю тебя, глупая.

Был в балете, – мужики девок лапают.
Девки – все как на подбор – в белых тапочках.
Вот пишу, а слезы душат и капают:
Не давай себя хватать, моя лапочка!

Наш бугай – один из первых на выставке.
А сперва кричали – будто бракованный, —
Но очухались – и вот дали приз-таки:
Весь в медалях он лежит, запакованный.

Председателю скажи, пусть избу мою
Кроет нынче же, и пусть травку выкосют, —
А не то я телок крыть – не подумаю:
Рекордсмена портить мне – на-кось, выкуси!

Пусть починют наш амбар – ведь не гнить зерну!
Будет Пашка приставать – с им как с предателем!
С агрономом не гуляй, – ноги выдерну, —
Можешь раза два пройтись с председателем.

До свидания, я – в ГУМ, за покупками:
Это – вроде наш лабаз, но – со стеклами...
Ты мне можешь надоест с полушубками,
В сером платъице с узорами блеклыми.

...Тут стоит культурный парк по-над речкою,
В ем гуляю – и плюю только в урны я.
Но ты, конечно, не поймешь – там, за печкою, —
Потому – ты темнота некультурная.

1966

Ой, где был я вчера

Ой, где был я вчера – не найду, хоть убей!
Только помню, что стены – с обоями,
Помню – Клавка была, и подруга при ей, —
Целовался на кухне с обоими.

А наутро я встал —
Мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал,
Всех хотел застращать,
Будто голым скакал,
Будто песни орал,
А отец, говорил,
У меня – генерал!

А потом рвал рубаху и бил себя в грудь,
Говорил, будто все меня продали,
И гостям, говорят, не давал продохнуть —
Донимал их блатными аккордами.

А потом кончил пить —
Потому что устал, —
Начал об пол крушить
Благородный хрусталь,
Лил на стены вино,
А кофейный сервиз,
Растворивши окно,
Взял да выбросил вниз.

И никто мне не мог даже слова сказать.
Но потом потихоньку оправались, —
Навалились гурьбой, стали руки вязать,
А потом уже – все позабавились.

Кто – плевал мне в лицо,
А кто – водку лил в рот,
А какой-то танцор
Бил ногами в живот...
Молодая вдова,
Верность мужу храня, —
Ведь живем одна —
Пожалела меня.

И бледнел я на кухне разбитым лицом,
Делал вид, что пошел на попятную,
«Развяжите, – кричал, – да и дело с концом!»

Развязали, – но вилки попрятали.

Тут вообще началось —
Не опишешь в словах, —
И откуда взялось
Столько силы в руках! —
Я как раненый зверь
Напоследок чудил:
Выбил окна и дверь
И балкон уронил.

Ой, где был я вчера – не найду днем с огнем!
Только помню, что стены – с обоями, —
И осталось лицо – и побои на нем, —
Ну куда теперь выйти с побоями!

...Если правда оно —
Ну, хотя бы на треть, —
Остается одно:
Только лечь помереть!
Хорошо, что вдова
Все смогла пережить,
Пожалела меня —
И взяла к себе жить.

1967

Лукоморья больше нет

Антисказка

Лукоморья больше нет,
От дубов простыл и след, —
Дуб годится на паркет —
так ведь нет:
Выходили из избы
Здоровенные жлобы —
Порубили все дубы
на гробы.

Ты уймись, уймись, тоска
У меня в груди!
Это – только присказка,
Сказка – впереди.

Распрекрасно жить в домах
На куриных на ногах,
Но явился всем на страх
вертопрах, —
Добрый молодец он был —
Бабку Ведьму подпоил,
Ратный подвиг совершил,
дом спалил.

Тридцать три богатыря
Порешили, что зазря
Берегли они царя
и моря, —
Каждый взял себе надел —
Кур завел – и в ем сидел,

Охраняя свой удел
не у дел.
Ободрав зеленый дуб,
Дядька ихний сделал сруб,
С окружающими туп
стал и груб, —
И ругался день-деньской
Бывший дядька их морской,
Хоть имел участок свой
под Москвой.

Здесь и вправду ходит Кот, —
Как направо – так поет,

Как налево – так загнет
анекдот, —
Но, ученый сукин сын,
Цепь златую снес в торгсин,
И на выручку – один —
в магазин.

Как-то раз за божий дар
Получил он гонорар, —
В Лукоморье перегар —
на гектар!
Но хватил его удар, —
Чтоб избежать больших кар,
Кот диктует про татар
мемуар.

И Русалка – вот дела! —
Честь недолго берегла —
И однажды, как могла,
родила, —
Тридцать три же мужука
Не желают знать сынка, —
Пусть считается пока —
сын полка.

Как-то раз один Колдун —
Врун, болтун и хохотун —
Предложил ей как знаток
дамских струн:
Мол, Русалка, все пойму
И с дитем тебя возьму, —
И пошла она к ему
как в тюрьму.

Бородатый Черномор —
Лукоморский первый вор
Он давно Людмилу спер, —
ох хитер!
Ловко пользуется, тать,
Тем, что может он летать:
Зазеваешься – он хват! —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.